

Олег Белоус

Не будите Зверя!

18+

Олег Белоус
Не будите Зверя!

«Автор»

2026

Белоус О.

Не будите Зверя! / О. Белоус — «Автор», 2026

Конец XXI века. Человечество разделено на касты. "Суперы" - генетические бессмертные - правят миром. "Натуралы" - расходный материал. Физик Марк Воронов отправляется в первую экспедицию на Марс, не подозревая, что терраформирование - лишь прикрытие. Под красными песками скрыта сила, способная стереть старый порядок и изменить саму природу человека. Марс - планета войны - станет ареной битвы за будущее эволюции. И в этой войне у человечества нет права на ошибку.

© Белоус О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Белоус

Не будите Зверя!

Даже заяц, загнанный в угол, становится тигром

Пенелопа Уильямсон

Я – кара Господня. Если вы не совершали смертельных грехов, Господь не пошлет вам кару в лице меня!

Предисловие

Жесткие губы Марка Воронова искривились в легкой, едва заметной улыбке.

Пейзаж Марса подавлял. Чужеродная, рыжая пустыня. Розовое небо, хранящее чужие тайны. Невероятно близкий горизонт. Мысли о белградской лаборатории, уюте, блестящих перспективах – все это было заслонено суровой реальностью Марса.

Черт возьми, вот я и на Марсе! Дальнее Заземелье. Суровый, чужой, но отныне Марс наш.

И пусть его доставили против воли и Марс был для него огромной, величиной с планету, тюрьмой, без права возвращения на Землю. Пусть! Сквозь горечь и злость пробивалось другое чувство – гордость. Необъяснимая, иррациональная гордость пионера. Предстояло не просто выжить – силой воли и упрямства доказать планете: человек не просит разрешения.

При мысли о жене и детях сердце сжалось. Зачем я здесь? Он усилием воли прогнал и боль, и вопрос. Цена уплачена. Точка!

Недолгое шипение, пока земной воздух откачивался из шлюза посадочного модуля «Енисей». Сигнальная лампочка на стене загорелась зеленым. Тяжелые двери, вопреки ожиданиям, распахнулись бесшумно. Он постоял, собираясь с духом и шагнул на марсианскую поверхность. Сердце забило чаще. Несмотря ни на что, он не мог не волноваться – не так много людей побывало так далеко от родной планеты.

Марк оглянулся.

Несколько «танчиков» универсальных инженерных роботов (УИР) деловито копались отвалами в грунте, роя котлованы под жилища – для защиты от космической радиации будущего город построят в основном подземным.

Трудно представить ощущения человека, который позавчера по собственным биологическим часам лег в камеру сна, вчера проснулся на корабле в дальнем космосе, а сегодня стоит на почве чужой планеты.

Он сделал шаг. Второй. Поднятая ботинками марсианская пыль осела медленно, торжественно. Непривычная гравитация делала походку кинематографично-медленной, но с каждым движением Марк все больше привыкал к новым условиям.

Марк Воронов оставил отпечаток подошвы на пыли Дальнего Заземелья. И этого было достаточно. Больше, чем достаточно.

... Сверкающий медными листьями форштевень пиратского корабля не рассекал темно-зеленую вест-индийскую волну, в ушах не звучал свист рассекаемого ветра, а рука не сжимала рукоять абордажной пиратской сабли. Но в груди бушевало то самое, давно забытое чувство – чувство безграничной свободы, чувство форштевня, рассекающего волну неизведанного моря. И пусть его корабль был шит из титана и кевлара, а море было из ржавой марсианской пыли – он был его капитаном.

Негромко загудели электромоторы, и Марк обернулся. Из-за угла модуля один за другим выезжали автоматические погрузчики и разгружали надувные модули будущего поселения на песок.

Внезапно в наушниках рвануло статикой, и резкий голос разрезал тишину:

– Воронов, как слышите меня? Прием!

Марк сжал губы в злобную строчку.

– Слышу хорошо, – он откашлялся. В горле запершило, словно туда попала марсианская пыль, – Все в порядке, приступаю к осмотру территории.

– Не торопись. Хорошенько осмотри периметр. И, Марк...» – в голосе начальника впервые прозвучала неуверенность. – Держи связь. Только что пропали данные с орбиты. Приближается песчаная буря. Просто... будь осторожен.

Связь оборвалась.

Тишина, давившая минуту назад величием, вдруг стала густой и многозначительной. Марк медленно обвел взглядом рыжий горизонт. С одной стороны, там, где в небо ввинчивалась гигантская гора, висело нечто темное...

Глава 1

Весна, за четыре месяца до высадки 3-й марсианской экспедиции.

Улица князя Михаила – главная артерия Белграда. Ее воздух – смесь ароматов жареного мяса, кофе и прошлого. Здания-стражи разных эпох создают ощущение наслоившегося времени с южнославянским, непокорным духом. Это место, где тень древнего Сингидунума падает на булыжник под ногами.

К одному из особняков, окрашенному в теплый, выгоревший на солнце охристый цвет, бесшумно подкатило робототакси и остановилось. Через миг из дверей вылетел Марк Воронов – ухоженная бородка, усы, залысины, которые он не скрывал, а носил с видом человека, которому нечего доказывать. В конце XXI века исправить это – не проблема, но дорого, весьма дорого, а он предпочитал вкладывать деньги в обожаемую семью и детей. В руке он лихо зажал стильный бумажный пакет с логотипом престижной сети супермаркетов «Фреш» – видимо, с сюрпризом для домашних.

– Берегись! – ломкий, подростковый голос позади.

Марк шараясь к стене. Ничуть не беспокоясь о прохожих, мимо промчалась, балансируя на тихо шипящих ботах (*аналогах роликовых досок, только левитирующих*), стайка подростков в разноцветных шлемах и наколенниках. Девочка лет тринадцати проскочила между мамашей с коляской и двумя совершенно седыми пенсионерами, едва не врезавшись в угол здания, умчалась дальше. Досадное происшествие не ухудшило отличное настроение Марка. Буквально подлетел к подъезду дома. На ходу взгляд скользнул по рекламе очередного блокбастера на билборде с мускулистым белым наемником, обнимающим за талию африканскую красотку – что-то на тему Панафриканской войны 2071 года.

Через пару минут мигнул световой индикатор на входной двери – искусственный интеллект квартиры узнал хозяина; щелкнул замок, и дверь открылась.

– Я уеду жить в Белград, я уеду жить в Белград. А потом в Москву! – напел, слегка фальшивя. Голос эхом отражался от стен, наполняя пространство радостными вибрациями, – Дорогая, поздравь меня! Я почти гений! – выкрикнул, не сдерживая переполнявших его эмоций.

Он был самым счастливым человеком на свете! Ладно, пусть не самым, но одним из самых счастливых, и это не подлежало сомнению.

Марк с детства бредил единой теорией поля – Святым Граалем физики. Десятилетиями наука топталась на месте, порождая горы сложной математики, но не давая прорыва. Теория более-менее сносно описывала строение материи на уровне молекул, атомов и нуклонов, но все пути вглубь микромира упирались в незримые, но непреодолимые барьеры. Физики десятилетиями усложняли теорию, вводили новые измерения, придумывали головоломные способы перенормировки, но вместо прорыва – лишь горы изошренной математики, за которой терялась сама физическая суть. И вот он, Воронов, нашел частное решение. Не великое открытие, но уверенный шаг вперед. Его хвалил сам заведующий лабораторией! В руке он крепко держал вытащенную из пакета бутылку вина – такой повод непременно необходимо отметить! Тем более что впереди ждали два долгожданных выходных дня.

Квартира встретила непривычной тишиной. Уютную трешку в центре Белграда, которую Вороновы снимали тринадцатый год и, понемногу копили на покупку жилья в Москве, всегда наполняли жизнь и тепло. Везде идеальная чистота, детей не было: старший – в школе при русском посольстве, младшая – в детском садике там же. В прихожей застыла человекообразная фигура – это заряжался домашний робот по имени Мвамба, незаменимый помощник домохозяйки. Его купили, когда стало ясно, что Анна беременна старшеньким – Егором.

Но где же она сама? Она обещала дожждаться!

– Анна? – но в ответ – молчание. Марк недоуменно пожал плечами. Что-то случилось? А почему тогда не предупредила? Непонятно!

Заглянул в детскую и на кухню: никого, тишина, только из окна доносился едва слышный человеческий гул, а из закрытых кастрюль на плите тянуло аппетитным ароматом. Марк еще больше нахмурился и заскочил в спальню. Взгляд зацепился за идеально белый прямоугольник на прикроватной тумбочке, обычно заваленной книгами, ее кремами и безделушками, – идеальная чистота. На бумаге сверкало золотом кольцо. Обручальное кольцо Анны.

От ликования не осталось и следа. Медленно, словно сапер к взведенной мине, приблизился и поднял листок. Всего несколько наспех нацарапанных почерком жены строк: «Меня не ищи. Я полюбила другого мужчину. Прости, если сможешь. Будьте счастливы без меня». Слово «счастливы» резануло глаза особой, ледящей сердце жестокостью.

Она... она бросила нас... Меня и детей...

Еще днем он строил планы на годы вперед, а сейчас... Его мир рухнул, оставив после себя оглушительную пустоту.

О той, прошлой жизни и о родителях он почти не помнил – был слишком мал, когда они погибли. В памяти остались только сильные мужские руки, подбрасывающие его, хохочущего, к потолку и добрая мамина улыбка.

Родители Марка владели небольшой частной лабораторией, занимавшейся исследованиями в области биологии и производством высокотехнологичной продукции. Они совершили открытие, заинтересовавшее один из фондов Баррухов, но наотрез отказались его продавать. История закончилась в «лучших» традициях уголовной хроники: гибель «при невыясненных обстоятельствах», лаборатория, внезапно оказавшаяся по уши в долгах, и ее таинственный переход к сомнительным личностям. Уже повзрослев, Марк выяснил, что все эти личности были связаны с тем самым заокеанским фондом.

Словом, история грязная. Но что, в сущности, может сделать полиция, когда в дело вступают интересы транснациональных гигантов? Чьи бюджеты сопоставимы с ВВП целых стран, чье влияние на медиа – абсолютно, а «частные военные компании» – всего лишь благообразный ярлык для частных армий, превосходящих по мощи вооруженные силы иного государства.

Воспитывала сироту бабушка, жившая в Подмоскowie, ставшее для него всем. И семья для мальчишки, отчаянно скучавшего по родителям, была понятием святым. Друзья считали Вороновых идеальной парой, да и сами они за годы совместной жизни ни разу не дали повода усомниться в прочности союза.

Сердце заныло, в висках толчками билась кровь.

Не может быть! Нет! В голове скрипели и искрились от напряжения извилины, мельтешили догадки, варианты, идеи и просто обрывки мыслей.

Это какое-то чудовищное недоразумение! Анна вот-вот появится на пороге и со смехом объявит, что это всего лишь розыгрыш. Глупый, чудовищный розыгрыш! И мы посмеемся. Наверное...

Странное существо человек – не признает очевидного, надеется на чудо, а если чуда не произошло, в беду все равно не верит. Хотя вот она, беда...

Марк ринулся к шкафам, лихорадочно ткнул в сенсор. Створки синхронно распахнулись, пахло до боли знакомым, таким родным запахом ее духов. Полки зияли безжалостной и оглушительной пустотой: ни разноцветных платьев на плечиках, ни аккуратных стопок белья – ничего.

И лишь на верхней полке, в крошечной тишине, стояли ее куклы. Анна их коллекционировала, но не фарфоровых красавиц – собирала неказистых, сломанных, с отбитыми конечностями и стершейся краской. «Лечила», шила им новую одежду. И потом придумывала каждой собственную, непременно печальную, историю. И теперь они молча смотрели на Марка

стеклянными глазами – безмолвные свидетели того, что от ее жизни здесь не осталось ничего. Кроме них.

Опустошение ударило, почти физически. Он не сел – рухнул на край постели, сломленный неподъемной тяжестью потери. Анна была для него всем. В звенящей тишине в голове пульсировала только одна мысль: «Она ушла. Ушла». Еще минуту тому назад в жизни все было прекрасно, и он игнорировал все сложности мира конца 21 века. Все его несправедливости. Марк был профессиональным ученым и «парил» в сфере чистого разума и «увлекательном» мире субъядерной физики. Он считал себя выше грязи окружающего мира. Но миг и мир еще одному идеалисту доказал, что это не так – с размаху ударил нечищеным сапогом гопника в лицо. Одна из двух опор, дававших силы жить, – семья разрушилась. А вместе с ней и налаженная жизнь. Он почувствовал себя не просто обманутым, а стремительно пустеющим, как будто из него вытекли все чувства, оставив после себя лишь огромную, зияющую пустоту, холодную и безвоздушную, как вакуум.

Поднялся, замер посредине спальни. Последний шанс. Последний. Откашлялся – горло сжимал спазм.

– Домовой, – произнес хрипло, – а где Анна?

– Марк, – через миг откликнулся домашний искусственный интеллект, – Анна Воронова вышла из квартиры в 13:47, взяв с собой две сумки. В 13:49 она села в автомобиль службы «Городское такси», заказанный через приложение. Пункт назначения в логе не указан. Последний сигнал с ее личного устройства зафиксирован в 14:22 в аэропорту «Никола Тесла»

Цифры «13:47» и «14:22» прозвучали приговором. Ноги стали ватными, он почувствовал, как пол снова уходит из-под ног и пошатнулся.

И в эту же самую секунду страшную тишину разорвал резкий, требовательный звонок телефона. Марк вздрогнул, словно от толчка. Посмотрел на экран – напоминание: «Ясли. 17:00». Пора ехать забирать дочку...

Тело двигалось на автопилоте, отдельно от парализованного горем разума. С застывшим, ничего не выражающим лицом-маской, поднялся и двинулся вмиг постаревшей, грузной походкой на выход из спальни. Ему еще предстояло понять, осознать уход жены и собраться с силами для встречи с дочерью.

Четыре дня. Четыре бесконечных дня прошли с того момента, как Марк Воронов узнал, что жена ушла к другому. Четыре дня, за которые его налаженная жизнь самовлюбленного эгоиста, уверенного в исключительном праве на успех, превратилась в крошечный ад. Его будущее всегда виделось ему ослепительным: Нобелевская премия, институты, борющиеся за его внимание, всемирная слава. Что до прочих неудачников – тех, кто не сумел выгрызть у судьбы шанс, – о них он думал мало. Лишь смутно допускал, что каждый из них мог бы стать если не гениальным физиком, то уж по крайней мере уважаемым профессионалом.

И все это рухнуло. Сгорело в одночасье.

В спальне с наглухо закрытыми окнами удушающая духота; спертый, тяжелый воздух пропитан спиртным и протухшей едой. За окном красный сплюснутый круг солнца сползал к горизонту, не по-весеннему затянутому антрацитовыми тучами, и в комнате – вечерняя полутьма. В молчаливых громадах домов одни за другими вспыхивали сиротливые огоньки окон. На трехногом переносном столике перед Марком, на кровати, в линялых растянутых штанах и накинута на голое тело куртке, – пустые бутылки из-под пива и водки и, одна не открытая. Заляпанная пальцами пузатая рюмка. Между ними сиротливо белела раскрытая упаковка болгарского сыра с надкусанным краем и несколько батончиков подозрительного вида в яркой упаковке. В стене-телевизоре что-то вещали о нарушениях прав человека в французской исламской республике, но Марк не вслушивался.

Алкоголь... – вечный утешитель потерявшихся мужских душ, стал единственным прибежищем. Горьким, обжигающим, но – единственным. Впервые Марк попробовал спиртное

на выпускном в школе, в семнадцать лет, и с тех пор позволял себе немного выпить только по большим праздникам. Теперь же он пил без разбора, закусывая чем придется – даже бесплатной едой для бездомных на основе белка из насекомых. Тупое алкогольное безразличие чередовалось с приступами яростной ненависти к изменнице и отчаяния. Мысли о смерти накатывали волнами, но каждый раз останавливался, вспоминая о детях.

Даже в пьяном состоянии он не забывал покормить Пряника – старенького йоркширского терьера, почти члена семьи. Кто выводил собаку гулять, он не знал и даже не задумывался об этом.

«Дзинь!» – звонкий, надоедливый звук разрывал череп. Марк заторможено повернулся к телефону и почувствовал, как в висках застучало от ненависти.

– Заткнись, тварь!!! – взревел, рука смахнула телефон со стола. Где-то внизу он с глухим стуком ударился об пол.

– Вот так! – произнес довольным голосом уже потише.

Неоткрытая бутылка водки манила влажной прохладой, исходящей искристыми капельками на стекле. Решительно скрутил пробку с бутылки и набулькал в рюмку. Поднял ее.

Не дыша и дрожа ресницами, выцедил рюмку. Водка огненной струей пролилась по пищеводу. Медленно вытер ладонью губы и откусил от батончика. Тьфу, какая гадость. Но как закуска сойдет.

Пришло спокойствие и его заинтересовало: кто же это прислал сообщение?

Наклонился, пожеывая батончик, поднял с пола телефон и открыл последнее сообщение. «Уважаемый Марк Александрович, в связи с систематическими прогулами вы уволены». Сморщился, словно съел что-то кислое, вяло махнул рукой и небрежно отшвырнул телефон на кровать. Уволили? И черт с ним! Уже ничего не имело значения.

– Дерьмо, – с глубокомысленным видом громко произнес Марк и поднял палец вверх. – Ик... Вся жизнь дерьмо!

Лицо кривилось от эмоций, которые, казалось, взорвут его изнутри. Поднял рюмку к глазам, несколько мгновений смотрел на нее стеклянным взглядом, затем с раздражением махнул рукой. Да какие тут рюмки! Швырнул ее на пол, она со звоном покатила.

Примерился, цапнул бутылку за горлышко. Водка, словно вода, обжигающей струей полилась в горло.

– Да гори оно все пропадом!!! А чего ты кобенишься, Марк? – заорал, обращаясь непонятно к кому. – Смирись, урод! Урод! Урод! Ты же уже и так смирился, придурок!

Обессиленно откинулся. Алкоголь сделал свое дело, злость постепенно унялась, сменившись дикой тоской. Глаза заслезились. Еще сто грамм, и он бы расплакался в алкогольной истерике.

Поднял бутылку.

– Ик...ой... – прикрыл рот ладонью. Один глаз его смотрел на бутылку в руке, другой куда-то в сторону окна.

Странный звук, наконец, пробился сквозь алкогольную «блокаду». Марк замер и медленно повернул голову. Больше всего звук напоминал скуление голодной собачонки, брошенной и оставленной на улице безжалостными хозяевами.

Пряник? Он повернулся. Собака лежала в лежанке, в полутьме поблескивали коричневые искорки глаз. «А тогда кто?» Марк осторожно опустил бутылку на столешницу и обернулся к детской. Звук доносился из-за ее закрытой двери.

Поднялся. Пошатываясь, прошел мимо блестящих пластиком встроенных шкафов коридора и открыл дверь детской. Ярко, безжалостно горели встроенные в потолок лампы. Дочь, обнявшись со старшим братом, сидела на диванчике. При звуке открывшейся двери Эля, обожаемая, долгожданная дочка, подняла взгляд на отца. Взгляд, наполненный ужасом. Кристально чистым ужасом. Из глаз безостановочно катились, холодно сверкая, слезинки. Так пла-

чут только дети. Чисто, светло и безнадежно. И некому сказать, что все будет хорошо и плохое пройдет. Солнце улыбнется и вернется потерянное счастье. Гоша, с покрасневшими глазами, глядел на него с немим укором и вызовом.

– Папа? – пискнула с какой-то непонятной надеждой Эля.

Кадык мужчины дрогнул.

Как же я докатился до такой жизни, что меня боятся собственные дети?

В этот момент что-то внутри него надломилось.

– Сейчас! Сейчас... – вытянул ладони вперед Марк, попятился. Тихо прикрыл дверь, слегка шатнувшись по дороге, подобрался к зеркалу в спальне. Из полумрака смотрела гнусная рожа. Именно рожа – он не мог это назвать иначе. Отечное, землисто-бледное лицо с мешками под покрасневшими глазами, заросло густой щетиной, с безумным взглядом. В них плавала тупая, животная покорность собственной участи. Будто тот, кто жил внутри, давно сдался и безучастно наблюдал за разложением собственной оболочки со скучающим безразличием.

Хорош! Нечего сказать!

Стоп! А какое сегодня число? Он вспомнил сообщение об увольнении из института. Это придало телу странных сил, и до стола он добрался куда энергичнее, чем шел к детям. Поднял телефон. Вторник, вечер. Господи, он пил не только выходные, но и целых два рабочих дня! Он, гордившийся безукоризненной дисциплиной!

И тут в голову пришла другая мысль: что все эти дни ели дети? От одной мысли, что они из-за него голодали, волна стыда накатила с такой силой, что он даже протрезвел. Он точно ничего не покупал! Сходить спросить? Нет! Стыдно! Посмотреть в холодильнике?

На полках белело несколько коробок с надписью на этикетке: «Пицца». Он поднял одну. Дата выпуска – воскресенье. Значит, он никак не мог ее купить. Тогда кто? Он еще ничего не понял, но по спине уже прополз ледяной мурашок – первый вестник грядущей беды. И тут обожгла мысль: это Гоша – копил на покупку летающего бота, но потратил все, чтобы прокормить себя и сестру!

Он напугал собственных детей! Он бросил их, погрузившись в собственную боль!

Марк простонал от волны непереносимого стыда.

Жгучая злость на самого себя горячей волной смыла алкогольный дурман. Не просто прогнала туман в голове, а выжгла, оставив после себя ясную, холодную и невыносимо болезненную пустоту.

Подошел к окну, рывком распахнул створки. Ветер принес с Дуная речную свежесть, смешанную с нежным, горьковатым запахом сирени и каштанов, выдувая запахи хмеля и затхлости.

Вернувшись к столу, поднял полупустую бутылку, покачал в руке, словно взвешивая.

– Козел! – прошептали губы. Лицо исказила гримаса. С размаху швырнул – бутылка молнией рассекла воздух и ударилась в стену.

– Бам! – разлетелась водопадом стекла и брызг. Остро запахло алкоголем. В звоне осколков уходила в небытие прежняя жизнь.

Пес вскочил, залаял, прижавшись к полу громко, испуганно.

Марк ощутил взгляд, обернулся и увидел в дверном проеме детские лица и страх в глазах.

«Родные, сделаю все, чтобы защитить вас и дать достойное будущее!» Он отвернулся от детей.

– Никогда больше. Никогда больше не буду пить! – отчеканил, глядя на холодно блестящие осколки на полу. И добавил про себя: А Анну не прощу. Никогда и ни за что! Мечь? Пусть будет так. И одновременно почувствовал, как в душе разливается не посещавшее все эти страшные четыре дня спокойствие...

«Дурак. Полный, безнадежный дурак» – билась в голове мысль, как пойманная птица.

Вот она, его история – сплошной анекдот. Он, недавний выпускник Московского физико-технического института, замеченный и приглашенный в солидный институт «Винча», вообразил себя рыцарем без страха и упрека, покоряющим мир чистого разума. Главный капитал – талант. На Родине ничто не удерживало: единственную родню он два года как схоронил на подмосковном луговском кладбище, и был полон решимости начать все с чистого листа

«Дурак».

А она. Анна. Первая красавица института с выгоревшей рыжей челкой и репутацией недотроги. Секретарь декана. Он ждал у него приема, а дождался войны. Спор, перепалка... девушка, вспыхнув, – «надутый пудель». Он, не сдержавшись, – «Снежная Королева». И тут произошло невообразимое. Анна стремительным движением сорвала с носа Марка очки, демонстративно облизала обе линзы и, протянув их обратно, бросила язвительно:

– Теперь видишь все в настоящем свете?

Он сидел, принимая заляпанные, расплывающиеся в грязных разводах очки, и чувствовал не унижение, а азарт.

Холодная война между своенравной красавицей-сербкой и русским длилась полгода.

Все изменилось накануне общеевропейского Дня Второго чуда на Висле – праздника в честь победы 2052 года, когда объединенные русско-китайские силы остановили у границ Старого Света армию Ибн Амра.

Набравшись куража, вломился в приемную. Сердце колотилось. «Сейчас или никогда!» Вытащил из кармана черного, как смоль, лучшего своего пиджака бархатную коробочку-сердце. Щелчок – и на черном бархате вспыхнула голубоватая искорка фианита на золотом колечке. Не бриллианта – фианита. На что он рассчитывал?

– Выходи за меня... чтобы я мог отомстить тебе за этот год!

Остроумно, да? Невероятно романтично. Анна ахнула, прижала пальцы к губам, ее глаза цвета бутылочного стекла закатились. Он счел это волнением. Вдохнул запах ее шампуня, духов... Поцеловал в алые, потянувшиеся навстречу губы-бантики.

Он купил спектакль. Весь этот водевиль с очками, холодной войной и внезапной капитуляцией. Он принял расчет за страсть, манипуляцию – за любовь, а пустые, но красивые глаза – за глубину. А она... Она просто развлекалась. Пока не нашла более дорогую игрушку.

Много позже, уже после свадьбы она призналась, что просто хотела привлечь внимание симпатичного русского. Да – неуклюже, но ведь получилось...

Марк услышал шорох и повернул голову. Робот по имени Мвамба с веником и совком в руках приблизился к осколкам и наклонился.

Человек вытер ладонью слезы с разом, словно постаревшего лица и, твердой походкой направился в детскую. Пришло время взять на себя ответственность за себя и детей.

Глава 2

Несмотря на отличную физическую форму и brutальную внешность, со спортом у Марка отношения не складывались. Исключением была зарядка – до того, как Анна предала, это был нерушимый закон. Кроме субботы и воскресенья, разумеется. Утренний комплекс был прост до аскетизма: двадцать приседаний, тридцать отжиманий, десять подтягиваний на перекладине. Жесткий режим для поддержания формы. Но сегодня рутина дала сбой. Не было ни сил, ни – что главное – малейшего желания.

Он подошел к шкафу, достал стереофотографию изменщицы и рухнул в кресло за компьютерным столом, за которым провел столько времени, работая дома. Теперь он здесь вынашивал план мести. Долго вглядывался в улыбающееся лицо, которое так обожал, а по его собственному лицу ползла судорога бессильной ярости.

В висках стучало: «Предала. Предала всех нас».

Руку свело болью – он сжал кулак так, что, казалось, кости вот-вот треснут. Обхватив кулак другой ладонью, с трудом разжал онемевшие пальцы. И тут же они, будто имеющие собственную волю живые существа, впились в край фотографии. Хрустнул пластик.

«Женщины...» – подумал отстраненно. «Женщины... Они незаметно становятся частью твоего существования. «Я» и «она» сливаются в «мы», в семью, и ты уже не мыслишь себя без нее. И как же больно и гадко, когда тебя предают. Порвать! Сейчас же порвать и сжечь! Стереть с лица земли, как она стерла нашу семью!» – бешеным потоком стучало в висках.

Но вместо этого он шлепнул снимок на стол изображением вниз, словно пытался задавить в себе предательское желание – снова взглянуть в ее глаза.

Резким движением Марк пододвинул к себе персональный терминал.

Марк положил пальцы на серый пластик клавиатуры. Она неприятно холодила вспотевшие ладони. Объемное изображение, похожее на рекламную голограмму, выползло из щели видеотрека и заискрилось в полумраке комнаты, освещая осунувшееся лицо призрачным светом.

[Welcome to net!] – прозвучал механический голос.

Марк с раздражением дернул головой, настраивая угол обзора. Пальцы, привыкшие к быстрому набору, уверенно пробежались по податливым клавишам.

[Login Bay_13]

[Enter your password:]

Он поднял застывшее лицо к камере, луч сканера заскользил по сетчатке глаз. «Как унижительно – машина видела меня насквозь, в то время как я годами не видел душу спавшей рядом женщины!»

[Определение произошло корректно. Здравствуй, Марк!]

Фыркнул, мысленно послав к черту наигранное дружелюбие искусственного интеллекта. Его раздражало все: от заставки до собственного дыхания.

Марк надел на руки перчатки виртуальной реальности, на голову плотно лег шлем и – с Богом, помолясь – скользнул в интернет.

И реальный мир вокруг растворился.

Перед глазами появилась заставка – облачка на идеально-голубом небе с огненными буквами: «Интернет» и, ниже «Добро пожаловать!» (само собой понятно, что на русском: система определила родной язык пользователя). «А вот в гробу я видал ваш «обычный» вход в инет!»

Его план требовал обходных путей, недоступных для полицейских алгоритмов. Никаких допусков у него не было. Просить помощи у стражей порядка бессмысленно – что они могли сделать? Зафиксировать факт: взрослая женщина добровольно покинула семью. Не их юрис-

дикция. Не их проблема. Его проблема. И решать ее предстояло ему. Марк стиснул зубы. Незаконно? Пусть. Его не интересовали правила игры. Интересовал только адрес.

Он не был героем и всю жизнь старался избегать передраг. Исключение делал лишь для тех, кто действительно попал в смертельную ловушку. Анна предупреждала, что Сербия – не Россия и рано или поздно он нарвется на настоящие неприятности, но Марк ничего не мог с собой поделать. Однажды, проходя мимо частного дома на окраине города, он услышал доносящиеся оттуда отчаянные крики, потянулся к телефону, чтобы вызвать полицию, но тут же осознал бессмысленность этого. Не успеют они добратся! Сам не заметил, как уже бежал – возможно, уверенности придавал травматический пистолет в кармане, а может, подстегивали леденящие душу вопли.

Но едва он нашел нужную дверь, как крики смолкли...

– Приватный допуск!

Тишина. Темнота – запущен режим независимого доступа. *Вот и ладненько! А теперь максимальная осторожность, чтобы не потревожить системы защиты. В противном случае у него не больше минуты на то, чтобы исчезнуть, пока цифровые псы не вцепились в глотку.*

Три дня. Семьдесят два часа, прожитых в липком кошмаре из визуализированного (*предложенный в визуальной форме*) цифрового кода, пикселей, редких бутербродов с какой-то гадостью и горького, словно желчь, кофе. Он почти не выходил из инета, отрываясь лишь на короткие, тревожные провалы в сон, где снились испуганные глаза детей. Под предлогом внезапной «деловой командировки» он отправил их к теще. Поступок вызывал жгучий стыд, но Марк тушил его яростью. Ничто не должно отвлекать!

После бесконечных блужданий по инету и все новых неудач он нашел ее.

Волна дикого, пьянящего восторга ударила в голову, сжимая, словно удавкой, горло. Есть! Он нашел! «Убью суку. Должен. А потом себя!» – он пытался загнать себя в ярость, как в клетку, но не мог. Где-то в глубине, под слоями гнева и боли, все еще жил тот самый мальчик, который верил в любовь и честь. И этот мальчик с ужасом смотрел на него нынешнего. Он не мог. Он физик, создатель, а не палач и убийца. К тому же дети. Нельзя оставлять их сиротами.

А еще было удивление. Он нашел ее не на радостных фото в соцсетях, а на зернистой записи с камеры заднего вида какого-то беспилотника. Анна выходила из подъезда довольно обшарпанной гостиницы на другом конце света. Неужели у любовника не нашлось средств снять что-нибудь поприличнее?

Но главный вопрос, жгучий и страшный, выжигал изнутри: «Почему? Ведь все было так идеально... Насколько это вообще возможно в жестоком, циничном конце XXI века. Он дал ей все. А она взамен подарила крошечную тьму, в которой он теперь барахтался, пытаясь найти ответ на дне цифрового океана».

Мысль о водке, о алкогольном забытии, промелькнула спасительным соблазном. Рука сама потянулась к ящику холодильника, где когда-то хранилась бутылка. Он с силой отдернул ее, сжал кулак. Образ испуганных лиц детей в тот вечер, когда он был пьяным монстром, поднялся перед ним ярче любой голограммы. «Я обещал... детям». Стыд, едкий и горький, как полынь, сжег остальные эмоции.

Аламини Абдис с усталым вздохом откинулся в компьютерном кресле, и «умная» мебель с тихим шипением податливо подстроилась под уставшую спину. За стеклянной перегородкой его кабинета царил привычный хаос: глухой гул голосов, навязчивый запах несвежего кофе, въевшегося за десятилетия в стены, мельтешение сотрудинок. Сладко потянулся, так

что хрустнули позвонки, и задумчиво уставился на телефон, рядом с клавиатурой с засохшими следами пончика. На экране пылали цифры: 17.30.

«Скоро домой. И что же купить дуре Атиено? Надо же, подловила меня с этой шлюхой, а теперь крутись, выкручивайся...» – Его взгляд скользнул по зарешеченному окну, за которым уже зажигались неоновые огни Большого Яблока (*прозвище Нью-Йорка*). «Может, шубу? А зачем она в Нью-Йорке? Да и дорого...»

«Ди-и-и, ди-и-и, да-ра-ра-ра!» – нарушив тишину, пронзительной трелью залился служебный звонок. Киберполицейский вздрогнул, руки сами собой рухнули на клавиатуру, взгляд впился в мониторы. И тут же чернокожее лицо оскалилось в хищной ухмылке.

«Ага! Наконец-то ты у меня в руках, червяк! Несанкционированная деятельность в интернете... Приготовься, следующие двадцать пять лет тюрьмы ты будешь вспоминать этот день. И запомни раз и навсегда: от Аламини Абди, потомка великих охотников на львов и слонов, еще никто не уходил!»

Полицейский досадливо поморщился, в памяти шевельнулось неприятное воспоминание. Вообще-то уходил. Один-единственный раз. Но это произошло на заре карьеры в международном управлении IT-полиции при ООН, так что не в счет! И тем интересней будет изложить этого! Любопытно, мужчина или женщина, или вообще подросток? Они безбашенные – не понимают, насколько это опасно. Для них!

Еще через несколько мгновений он активировал служебный допуск и погрузился в интернет. Реальность рассыпалась триллионами пикселей. Тела больше не было – был только чистый разум, охотник, призрак в цифровых джунглях. На смену мгновенной дезориентации пришла резкая, кристальная ясность. Он парил в лесу, сплетенном из данных. Еще одно мысленное усилие – и он уже находился на узле, где засекли хакера. Расстояния в «нереальности» не имели значения; здесь не существовало гравитации, а только вектор движения.

Корпоративные защитные системы высились деревьями из черного льда, мертвыми и холодными на вид, но с золотыми искрами данных внутри, переплетавшихся с соседними кронами. Вокруг него текли реки расплавленного золота – ему даже показалось, что от них веет теплом, чего заведомо не могло быть в нереальности. Тепло, холод, запах здесь – все это лишь обман несовершенных человеческих чувств, игра изошренного интерфейса. Узлы социальных сетей мерцали, как звезды средней величины. А на горизонте угадывались черные, беззвездные пустоты заброшенных серверов.

Мысленной командой он распустил вокруг себя поисковых джинов, которые на самом деле были служебными программами полиции. Светлыми комочками «пуха» они разлетелись в разные стороны, прилипли к «деревьям».

«Точно! Здесь».

Он приблизился к стволу. Рука-мысль осторожно прикоснулась к склизкой поверхности. Где-то вдали послышался нарастающий гул – это системы защиты, заметив вторжение, собирали охотничью стаю. Вирусы, похожие на огненных скатов, спешили на перехват.

Полицейский – мысленно, ведь в нереальности нет тела – ухмыльнулся. С ладони на ствол скатилась капля света – визуализация ключа доступа третьего ранга. Поверхность «дерева» дрогнула, открывая проход и, он шагнул внутрь.

Шанхай.

Воздух на его главной улице, Нанкин-Роуд, густой и насыщенный запахами, словно старинный китайский шелк рисунками. Он вобрал сладковатый пар от паровых сяолунбао и терпкий аромат жасминового чая из старых чайных.

В небо взмыли хромированные стебли небоскребов, в «коже» из стекла и стали. Каждую ночью они оживают, превращаются в светящиеся водопады рекламы: богини в платьях от кутюр парят высоко над землей, а иероглифы складываются в понятные без перевода призывы.

А по другую сторону улицы, затаившись в ликующей тени небоскребов, ютились старые шикумэни – дома в колониальном стиле. С балконов на бамбуковых шестах свисала одежда, а в полумраке арок скрывались уютные кофейни, где за столиками говорили о чем-то своем, неспешном.

Между этими двумя мирами текла река людей. Бесконечная, неиссякаемая. Тысячи голосов, шипение шин наземного экскурсионного автобуса и доносящаяся откуда-то сверху мелодия старинной мандолины – все это сливалось в один непрерывный, оглушительный симфонический гул.

И над всем этим, иконой достижений Китая, парила телебашня «Восточная жемчужина», чьи сферы, нанизанные на стальной шпиль, горели по ночам алым и фиолетовым, отражаясь в темной глади реки Хуанпу.

Это улица-оксюморон, где время не течет, а сталкивается лбами.

Вот только город был не настоящий, а как все в нереальности, лишь отражение реального мира. Но какое! Виртуальный Шанхай жил абсолютно синхронно с реальным. Гигантский поток данных в реальном времени, от дорожных камер и дронов до социальных сетей, наполнял 3D-модель, «волшебным» образом превращая ее в динамичную и постоянно развивающуюся копию реального города. Здесь, прямо сейчас, по виртуальному асфальту ехали те же самые автомобили, шли те же самые люди, и даже уличный кот на углу вылизывал свою цифровую шерсть с абсолютно реальным пренебрежением к окружающим. Отобразилась каждая крышка канализационного люка, фонарный столб или пожарный гидрант.

И все это с кинематографической плавностью, как будто смотришь не 3D-модель, а запись с дорожной камеры, но Аламини был не зрителем. Он был в этом стеклянном террариуме хищником.

Адреналин, острый и знакомый, ударил в виски. Мысленной командой вновь распустил вокруг поисковых джинов. Светлые комочки «пуха», послушные его воле, разлетелись в разные стороны в поисках «червяка». Спустя мгновение – тычок, импульс, вектор. Вот он!

Дикий, пьянящий азарт ищейки, идущей по следу, выжег усталость рабочего дня. Ухмылка растянула губы в оскале, достойном предков – диких охотников на львов. *От Аламини Абди не уйдешь. Я брошу тебя к ногам, как соперника в моколо (национальная конголезская борьба)!*

Он не полетел – побежал, вложив в это движение всю ярость охотника. Мир взорвался калейдоскопом образов. Он все ускорял ход: пронзал цифровые копии машин и домов, пробегал сквозь двойников людей, и ему чудилось, что он ощущает их испуганные вздохи. Мелькали обнаженные внутренности частных квартир, но его это не заботило. Прибавил скорость, выжимая из себя все, на что способен, пока виртуальная картинка не слилась в ослепительную радужную полосу впереди. Он был даже не призраком – разящей молнией, тайфуном, пожирающим виртуальное пространство.

И тогда он почувствовал – пульс цели. Рядом. Еще одно мгновение – и добыча у него в руках. Вся его сущность, как сжатая пружина, ждала щелчка, крика триумфа: «Попался!»

Полицейский остановился в тихом, почти безлюдном переулке, где-то за спиной остался оглушительный гул Нанкин-Роуд. Здесь пахло влажным камнем и сладковатой гнилью забвения – данные старых, никому не нужных серверов. В воздухе висела пыль, из устаревших новостей и забытых чатов. Это была цифровая свалка истории, задворки идеальной копии мегаполиса. Азарт горел в груди раскаленной лавой, требуя немедленной разрядки.

Аламини вскинул руки вверх, с восторженным видом триумфатора поднял взгляд на то место, где скрывался червяк: в квартире на третьем этаже.

Подпрыгнул и влетел, пронзив стену. В комнате: платяной шкаф, стол, стул, маленькая этажерка с книгами и кровать, на которой белел кусок бумаги. А «червяка» не было.

Он растерянно замер.

Горячий порыв сменился ледящей пустотой. Аламини приблизился к кровати, и его цифровое тело, казалось, потяжелело от тяжести обрушившегося разочарования. Надпись на английском гласила: «Вас обманули – поздравляю с титулом короля шутов!»

Глухая, бешеная ярость, острая и унижительная, прокатилась по разуму. Его оставили в дураках. Снова. Как тогда, очень давно.

«Нет... – прошепел его внутренний голос, и в этом шепоте ощущалось больше угрозы, чем в любом, самом яростном крике. – Нет, это не конец».

Он выдохнул, и напряжение спало.

Хорошо, червяк. Ты хочешь поиграть? Ты думаешь, что умнее? Что можешь водить за нос Аламини Абди?

Он медленно обвел взглядом убогую комнату, и его внутренняя ухмылка стала похожа на оскал хищника, только что упустившего добычу, но уже учуявшего настоящий след. Он поднял «бумагу» – а ведь это след.

Теперь я смогу идентифицировать тебя, червяк, когда ты вновь зайдешь в Интернет. А ведь ты зайдешь – ведь это так сладко быть владыкой нереальности. Ты не сможешь остановиться! Ты совершил главную ошибку. Ты не просто скрылся. Ты унизил меня. А за это... Его мысль была холодна, словно черный лед корпоративных защит...

А за это я найду тебя не ради ареста. Я найду тебя, чтобы стереть в порошок. Чтобы твои двадцать пять лет отсчитывались с того дня, когда ты решил пошутить со мной.

Руки трясутся... Гашиши... Не могу больше терпеть ломку. Хотя бы один косяк...

Он шагнул назад, растворяясь в стене. Охота не закончилась. Она только началась. И теперь это не служебная обязанность, а дело чести.

Рваные клочья туч мчались так низко, что, казалось, цеплялись за вершины деревьев. Лился холодный мелкий дождь, словно оплакивая что-то, и только далеко на западе еще алел полосой мрачный горизонт.

Прозрачный пластик терминала аэропорта впереди отсвечивал мрачным закатным солнцем, отчего огромное здание выглядело неуютно и тревожно.

Он двигался настороженно, словно разведчик, только что перешедший через нейтралку. Неспешно подошел к стеклянной пасти автоматических дверей. Они бесшумно разошлись, поглотив Марка Воронова вместе с потоком мокрых, обремененных сумками и чемоданами людей.

Под строгими взглядами людей в форме, с кобурами на поясе, прошел через рамку входного контроля. Электронные глаза просветили его и небольшой рюкзак в руках, но, не найдя ничего запрещенного, апатично отпустили. Охранники равнодушно отвели взгляд.

Марк вошел в здание и скинул с головы мокрый капюшон.

Сотни, если не тысячи, людей. Холодное величие современного Вавилона, в котором человек мельчал до букашки. Воздух пропитан запахом стерильности и человеческого безразличия. На жестких диванчиках, встроенных в стены из искусственного мрамора, ожидали рейсов пассажиры. Одни читали, другие курили, третьи безучастно наблюдали за царившей здесь вечной бездушной толчеей.

Давящую монотонность нарушали лишь неоновые-пестрые голограммы торговых автоматов, предлагавшие все: от синтезированного гамбургера до летающего автомобиля.

Навстречу, расталкивая толпу, двигался галдящий латиноамериканский выводок во главе с усталой мамашей, за которой ковыляли три перегруженные кибер-тележки.

Марк посторонился и пропустил их.

Человек у бара с умным видом пил из стакана что-то ядовито-зеленое. К нему наклонилась девушка, и сквозь гул толпы Марку почудился обрывок фразы: «...чистая тень...».

Рефлекс сработал быстрее мысли. Он нахмурился и резко ускорил шаг, делая вид, что поглощен табло. «Чистая тень». Жаргон черного рынка био-модификаций. Значит, где-то тут рядом вербуют клиентов или обсуждают сделку. Любое внимание правоохранительного ИИ – даже мимолетное – было для него смерти подобно.

Впереди пожилая пара, явно провинциалы, с растерянным видом тыкала пальцами в интерфейс киоска саморегистрации. К ним, профессионально улыбаясь, подошла девушка-волонтер в яркой жилетке с надписью: «Помощь на всех языках», и что-то спокойно объяснила, проводя пальцем по экрану. Старики закивали, лица их расплылись в благодарных улыбках. На секунду в этих растерянных лицах Марку почудились черты его собственных родителей, которых система когда-то бросила на произвол судьбы.

На одной из колонн, под самым потолком, чуть заметный стикер – простой символ: разорванная цепь. Кто-то оставил знак. Маленький, почти бесполезный, как семя в асфальте, – знак подполья, боровшегося против земных порядков.

Внезапно заглушая людской гул, из громкоговорителей прозвучал слащавый и безжизненный голос. Сначала на болгарском, потом на английском объявил о переносе его рейса на час.

Марк недоуменно нахмурился, потом подошел к противоположной стене, где, вмурованный в стену, пылал гигантский экран. Бесперывное мельтешение цифр: сообщения о прилете и отлете «джамперов» (*от английского jump – прыжок – самолета, способного выходить в верхние слои атмосферы и за какой-то час, полтора, достигать противоположной точки Земли*).

Марк остановился и недоуменно уставился на табло. Строчка с номером 013 – рейсом София – Нью-Ливерпуль, мигнул, через миг время вылета изменилось.

«Черт... ну не мог же рейс с номером 013 пройти благополучно, в принципе не мог!» – на губах появилась горькая улыбка.

Марк прошел мимо полноватой блондинки в кофте «стекло». На миг их глаза встретились, женщина фыркнула и отвернулась – он явно не тянул на ее идеал.

Марк приблизился к окну в пол, откуда открывался великолепный вид на летное поле. Прижался лбом к холодному пластику.

Цепочка людей тянулась от громады автобуса к еще более огромному, сплюснутому, словно глубоководная рыба, «Ту-73б». Через десяток минут он взмлет над аэропортом, по параболе вынырнет за пределы атмосферы и через полтора часа приземлится где-нибудь в Австралии или в Антарктиде. Кто знает... На боковую полосу с ревом садился космический челнок, доставивший людей с одной из низкоорбитальных станций. У роскошного частного джампера копошились жучки-автоматические погрузчики.

И тут Марк увидел нечто, совершенно немыслимое среди серого, функционального царства роботомашин взлетного поля: длинная, сверкающая, как отполированный слиток золота, БМВ-пятисотка плавно выкатилась на перрон и замерла у подножия трапа частного борта.

Дверь откинулась, словно материализовавшаяся голограмма из обновленного ретрофильма, на перрон выпрыгнул водитель в кожаной кепке с козырьком, оббежал машину и распахнул пассажирскую дверь. Склонился в угодливом поклоне.

Из салона появился Он. Высокий, белобрысый, с мускулатурой, которая проступала даже сквозь дорогой костюм – вылитая «белокурая бестия» из бредней бесноватого Адика. Не удостоив окружающих и взглядом, он неспешно поднялся по трапу и скрылся в салоне джампера.

«Супер... Этому никакие правила не писаны» – Марк скрестил руки на груди, не отводя взгляда от происходящего на полосе.

Именно таким – спесивыми хищниками – Марк и представлял себе Суперо́в.

К исходу XXI века на Земле произошло окончательное и бесповоротное расслоение, сравнимое по масштабу с появлением нового вида. Человечество раскололось на две неравные и враждебные касты.

С одной стороны, обычные *Homo Sapiens* – «натуралы», как их с легким пренебрежением называли. Это были потомки тех, кто не мог купить собственным детям лучшее будущее. Они были такими же, как и тысячи лет назад: хрупкие, подверженные многочисленным болезням, с ограниченным сроком жизни и со случайными когнитивными способностями, которые природа выдавала по лотерее.

Им противостояли «Суперы» (от «*Homo Superior*») – принципиально новая порода людей, рожденная не в муках эволюции, а в стерильных лабораториях. Редактирование оплодотворенной яйцеклетки и встраивание в нее отобранных генов величайших умов, атлетов и долгожителей истории – все это стало попыткой создать идеального человека. Сверхчеловека. Подавляющее большинство Суперов родилось именно так, в среде наследственной промышленно-банковской знати. Воспитание в закрытых мирах могущественных семей, в учебных заведениях, недоступных для обычных смертных, взрастило в них глубокий, почти инстинктивный снобизм и презрение к «обычным» людям. Осознание же собственного генетического превосходства лишь отполировало эту холодную спесь до блеска.

Это породило новую, жесткую социальную иерархию. Суперы монополизировали власть, богатство и доступ к передовым технологиям. Они стали правящим классом планеты, аристократией по праву «золотой крови», а обычные люди были отброшены на дно социальной лестницы. Они обслуживали инфраструктуру и работали на рутинных производствах, влача жалкое существование в перенаселенных серых мегаполисах. Их жизнь полностью зависела от решений, принимавшихся в залах заседаний, куда доступ для них был закрыт. Мир превратился в систему совершенного, основанного на биологии апартеида, где место каждого человека predetermined генетическим кодом.

Вспышка ярости была внезапной и бурной. Горячая, кислая волна подкатила к горлу.

«Если бы взгляд мог жечь, этот позер уже корчился бы с прожженным позвоночником под колесами своего джампера», – пронеслось в голове. Супер, новоявленного хозяев планеты, несмотря на все старания дистанцироваться от грязи жизни, он ненавидел.

А аэропорт жил привычной равнодушной жизнью. Гигантский механизм, в котором из-за прихоти одного из новоявленных хозяев жизни лишь незаметно щелкнуло шестеренкой. И вот уже отложен полет пятисот человек. *«Хорошо, что сейчас меня никто не видит».*

Он закурил, жадно затягиваясь сигаретой и пытаясь взять себя в руки. Вновь надеть привычную оболочку холодного безразличия.

Спустя час он присел в тесное кресло джампера. Ухоженная стюардесса, в проходе, вещала что-то о технике безопасности.

Глава 3

Лорд Джон Баррух покоился в кресле из шлифованной белой кожи в просторном салоне своего джампера. Стиль был эклектикой конца прошлого века – пронзительный холод хромированных деталей перетекал в бархатистое тепло полированного красного дерева. А строгие линии авиационного дизайна растворялись в приглушенных складках шелковых панелей. Его взгляд, рассеянный и тяжелый, не отрывался от панорамного окна. Расслабленная, почти небрежная поза напоминала дремлющего на полуденном солнце хищника, чьи когти спрятаны в баснословно дорогом костюме.

Суперы обладали абсолютным здоровьем: их иммунная система была неуязвима для вирусов и рака, а тела не знали старения. Жизненный цикл суперов растянулся на три века, что кардинально меняло само восприятие времени, истории и наследия. Рядовой супер мог завязать в узел стальную арматуру и без труда оставить позади олимпийского чемпиона-спринтера. Но главным их оружием был интеллект, на порядок превосходивший обычный человеческий. Они мыслили быстрее, проницали взглядом сложнейшие причинно-следственные связи и обрабатывали информацию с немислимой, почти машинной скоростью. А двунаправленный нейроинтерфейс делал их возможности сопоставимыми с искусственным сверхинтеллектом, давно оставившим позади слабый биологический мозг обычного человека.

Именно в этот миг за спиной Джона Барруха – между хрупкой вазой ар-деко и матовой стойкой навигационного компьютера – возникла и тут же замерла тень.

На периферии зрения, в том самом сегменте, куда его нейроинтерфейс (*Технология, по законам большинства государств разрешенная к применению лишь в медицинских целях*) проецировал служебные данные, всплыло изображение с камер наблюдения салона. Деньги, пусть даже огромные, не могли отменить законы, но несметные богатства... несметные богатства позволяли тихо и бесшумно их обходить. Дверь отъехала в сторону, и в проеме возникла безупречная фигура в белоснежной рубашке – официант с серебряным блюдом в руках.

Джон повернул голову с такой плавной, почти механической точностью, что это движение казалось страшнее самого резкого броска. Мозг автоматически выдал справку: *Homo Sapiens*, мужчина, возрастной диапазон 30-35 лет, признаки мышечной усталости, уровень кортизола повышен. Нулевая угроза.

Застигнутый врасплох официант замер. Перед ним восседал не просто босс – нечто вроде холодного божества. Его костюм стоил больше, чем официант мог заработать за всю жизнь. Его движения были смертельно экономны, словно каждое усилие мышц было спланировано с ювелирной точностью.

На долю секунды щеки официанта побелели, как мел, а в широко распахнутых глазах вспыхнул животный, неконтролируемый страх, какой испытывает лань, внезапно увидев в чаще тигра, которого только что искала взглядом. Он попытался сглотнуть, напручье лицо в услужливую маску, но было поздно. Баррух уже увидел.

И ему стало интересно.

– Кофе, сэр? – голос официанта дрогнул, выдавая попытку спрятать страх. На подносе в его руках исходила ароматным паром фарфоровая чашка, – Гватемальский, как вы любите.

Вместо ответа Баррух позволил взгляду скользнуть по хрупкому запястью официанта, задерживаясь на едва заметном, болезненном вздутии вены – последствии вчерашней неаккуратной инъекции. *Наркотики. Слабость. Биоотходы. Прилетим – уволить*, – констатировал его бесстрастный внутренний голос. Он вспомнил вчерашнюю охоту. Тот «обычный» чемпион был хоть и хрупок, но чист. А этот хомик... этот был просто человеческий брак.

Он устремил пристальный взгляд в глаза официанту, затянутые пленкой страха. Этот страх был ему приятен. Это был единственный подлинный продукт в этом мире, который еще могла произвести старая, несовершенная порода людей.

– Благодарю вас, – мягко произнес Баррух. Его низкий, идеально модулированный голос прозвучал как приговор. Небрежным жестом указал на столик перед собой. Чашка на подносе едва заметно задрожала. – Будьте любезны, не отвлекайте меня. Мне требуется сосредоточиться.

Контур терминала, похожий на пластиковый панцирь, начал медленно отступать: джампер разбегался перед рывком в небо.

Баррух мысленно усмехнулся. *Истинная иерархия проста: есть пастух, есть стадо. Одни обречены носить электронный ошейник, другие – держать пульт. Он всегда предпочитал пульт. Хлыст – для тех, кто сомневается в собственном праве на власть. Даже в собственных древних текстах хомиков была смутная догадка об истине: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неуспынно пекутся о душах ваших...» Жизнь хомика имела ту же ценность, что и пыль на его ботинках: он замечал ее лишь тогда, когда она начинала набиваться в механизм. И разница между нами только в методах: одни предпочитают хлыст, другие – невидимый электронный ошейник, а третьи – идеально дозированный стимул. Но цель оставалась неизменной – безраздельное господство.*

Легкий толчок возвестил, что джампер взлетел.

– Хорошо, сэр! – официант с безупречным, почти церемониальным поклоном отступил с тем подобострастием, что было свойственно хомикам, и растворился в полумраке салона. И только выскользнув за дверь, вдали от всевидящего взгляда боса, позволил себе выдохнуть, ощутив, как с плеч сваливается невидимая тяжесть.

Баррух повернулся к иллюминатору. Голубое небо, далеко внизу плывут белоснежные, словно платье старомодной невесты, хлопья облаков. Поднял чашку и сделал небольшой глоток. Кофе приготовлен с допустимой погрешностью.

Охота обернулась провалом. «Дичь» не только ускользнула, но и нанесла потери. Слабость не имеет права на существование; тот, кто допустил это, был слаб – и потому мертв. Что до сбежавшего... Вселенная конечна, а возможности Супера – почти нет. Он будет найден. Как щепка, выброшенная на берег после долгого плавания. Посмеяться последним? Пустая поговорка хомиков, изо всех сил, цепляющихся за иллюзию справедливости. Последним смеется тот, у кого хватит терпения и силы. Любопытно... Что вообще означает это примитивное понятие – «дрогнуть»?

Баррух откинулся в кресле: считанные секунды – и перегрузка в 3g возвестит о начале суборбитального прыжка, а небо стремительно почернеет станет бездонно-черным...

Сельва, словно живой и хищный организм, смыкалась за спиной.

Джон Баррух бесшумно и неумолимо продвигался по следу, наслаждаясь и охотой, и собственным телом – механизмом, идеально отточенным генной инженерией. Тишина стояла абсолютная, густая, пронизанная удушающими запахами влажной зелени и гниения. Дыхание было ровным, пульс – спокойным. В таком ритме он мог идти сутками. Даже тропическая влажная жара, которую Джон Баррух ненавидел, сегодня не могла испортить настроение. Воздух, густой и вязкий, казался шелком, обволакивающим мускулы.

Сегодня тот самый день. День Дикой Охоты – ритуал, отделяющий нас, полубогов, от смертных.

На губах играла сладкая улыбка, и почти физически чувствовался медный привкус страха и крови жертвы. За спиной хищно покачивался эфес меча. Огнестрельное оружие? Слишком банально, слишком милосердно. Пусть добыча верит, что у нее есть шанс. Иллюзия надежды делала финал особенно пикантным.

«Бах!» – раскатистым эхом разорвал лесную тишину хлопок выстрела. Это стрелял Генри Смит.

«Какое вопиющее отсутствие сдержанности», – констатировал с ледяным спокойствием.

Бывший вице-президент Всемирного банка метался где-то впереди, тратя патроны на тени. Грубый, нетерпеливый, он верил, что скорость и сила решают все. Он упускал из виду фундаментальный принцип: истинная охота – это не спорт. Это искусство. Танец, где последний па – смертельный удар клинка.

«Бах!» – прозвучал очередной выстрел.

«Прямолинейность – признак неразвитого ума», – мысленно усмехнулся Баррух. – «Истинный хищник полагается на собственное чутье. На ту силу, что возводит нас в ранг полубогов».

Перед ним зиял овраг. И здесь... здесь след особенно заметен: примятая трава, аккуратно сломанная ветка. След вел вниз.

«Теплее...» – сердце учащенно забилось не от усилия, а от охотничьего азарта. – «Игра приближается к развязке».

«Дикая Охота – как же ты сладостна! Охота на самое хитрое и изворотливое животное – на человека. И нет большего удовольствия, чем ее удачное завершение: одним ударом срубить голову» – промелькнула мысль, пока он спускался.

И тут – укол. Не азарта, а слепой, первобытной опасности. То ли на пределе слышимости уловил нечто, напоминающее короткий визг собаки, то ли слишком уж азартно растрескались тропические птицы. Не мысль, а чистый, животный сигнал из глубин отредактированного мозга, – седьмое чувство. Что-то здесь было не так.

Рука сама потянулась к рукояти меча. Сталь холодно блеснула в пробивающемся сквозь листву свете. За поворотом оврага лежало неподвижное тело. Баррух замер, слушая лес и на миг стал частью тишины. Затем, не сгибаясь, плавно сместил вес и бесшумно шагнул вперед.

Генри Смит лежал ничком, а из шеи, словно черный цветок, торчала рукоять ножа. Темная, почти черная в полумраке кровь растекалась по земле, впитываясь в опавшие листья. Глаза, остекленевшие, смотрели в никуда. И самое страшное – его ружья не было видно рядом.

«Значит, вооружен», – молнией пронеслось в голове Барруха. – «И не просто бежит... а охотится сам».

Ярость была холодна и абсолютна. *Овца, занесшая нож над пастырем.* Вся отлаженная механика власти дала трещину – единичный акт неповиновения, если его не искоренить, мог стать прецедентом. И тогда пришлось бы вспомнить не притчу о заблудшей овце, а историю о потопе – радикальное, но эффективное решение для перенастройки системы. Он уже мысленно просчитывал масштабы «корректирующей операции».

Не выпуская из рук меча, резким движением вытащил из кармашка на ремне спутниковый терминал, палец с ухоженным ногтем коснулся кнопки.

– Это я. Ситуация «Икс», – голос прозвучал металлически и ровно.

Замер в ожидании докладов. Где-то на границах поместья заработали необычайные протоколы: сотни охранников, дроны, вертолеты – сеть, из которой не уйти никому.

Уголок губ дрогнул, обнажив в ледяном оскале крупные, идеально белые зубы, достойные волка.

«Хомики... Вечно бодаются лбами о стекло террариума, воображая, что на что-то способны. Земля меж тем отлажена идеально – тот самый «электронный фашизм», о котором они так любят шептаться в своих трущобах. И ведь чертовски правы, надо признать».

Вашиими городами правят наши суперкомпьютеры. Они считают каждый ваш вдох, отслеживают каждую транзакцию, сканируют каждое слово. Хомик рождается с нашим генетическим паспортом, делает первый шаг под прицелом социального рейтинга, покупает первую игрушку, автоматически подписывая пожизненную кабалу. Формально – где-то там еще суще-

ствуют парламенты и президенты, жалкие марионетки в устаревшем кукольном театре. Но всем по-настоящему заправляем мы Суперы и владельцы транснациональных корпораций! Государства – это просто вывески, под которыми работает наша корпоративная машина.

Удачливый хомик всерьез полагает, что может что-то изменить?

Отлично. Ему докажут, что он всего лишь дичь, осмелившаяся укусить бога. И расплата будет медленной. До непотребства медленной и до тошноты кровавой.

Ярость была холодна, абсолютна и безлична – словно гнев бога на взбунтовавшуюся паству. Он не мстил за Генри – тот был слаб и недостойн. Он восстанавливал нарушенную гармонию и карал за нарушение священного принципа повиновения. Дерзкий хомик должен был стать жертвой, принесенной ради стабильности вида.

Эти мысли уже обретали форму плана действий, когда он вернулся в небоскреб, штаб своей империи. Баррух вызвал на голографическую связь Совет Семи – неформальный клуб ключевых игроков. Холодно и без эмоций он доложил об «инциденте Смит» и принятых мерах.

Ли Цзян, глава азиатского техноконгломерата «Небесная Гармония», с едва заметным неодобрением покачал головой:

– Твои «сафари», Джон... Исключительно дорогостоящее развлечение. Они создают ненужные риски, заставляя нас тратить ресурсы на тотальный контроль и его пропагандистское прикрытие. Это лишние затраты, которые бьют по эффективности. *Мы строим самоподдерживающуюся экосистему, а пастух, который режет овец для забавы, в итоге останется без стада. Страх – плохой и недолговечный катализатор. Предсказуемость – вот основа долгосрочного управления.*

Лорд Баррух холодно усмехнулся, и в его взгляде мелькнуло снисходительное раздражение – будто у профессора, вынужденного повторять азы скучному студенту.

«Уважаемый Ли, ты упускаешь ключевой психологический фактор: страх. Иногда нужно сделать одно показательное... устрашение, чтобы у сотни других даже мысли о бунте не возникло. Это тоже оптимизация, просто требующая более тонкого понимания человеческой природы. Горизонт планирования здесь не «долгосрочный» – он бесконечный. А что до медиа... – он небрежно махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи, – мы всегда можем скорректировать нарратив. Это не проблема, это – рутина».

Погруженный в мрачные мысли о предстоящей встрече с Анной, Марк сидел в салоне джампера. Свинцовая тяжесть на душе была настолько реальна, что он физически ощущал ее груз. Он не замечал ни мягкости кресла, ни едва слышного гула двигателей, но внешне выглядел спокойным.

На стене салона зажглась голографическая надпись: «Внимание, мы прибываем в аэропорт города Нью-Ливерпуль. Просьба пристегнуть ремни».

Джампер шел на посадку.

Торопливо пробежала стройная стюардесса в короткой юбке, бросила на Марка оценивающий взгляд, на красивом девичьем лице расцвела дежурно-соблазнительная улыбка. Но взгляд Марка был обращен внутрь себя, он не отстегивался от кресла и стюардесса, обдав волной нестерпимо сладкого парфюма, проскользнула мимо.

Ускорение прижало к креслу, и он, поморщившись, бросил взгляд в иллюминатор.

Блистательный Нью-Ливерпуль с высоты нескольких километров на фоне темно-синей, простирающейся до горизонта бескрайности моря казался хрустальной игрушкой, достойной богов. Солнечные лучи сверкали в бесчисленных окнах двух десятков небоскребов центра: сферы и капли, пирамиды и традиционные «карандаши», вонзались в чрево неба на сотни метров. Они рассыпали миллионы алых, золотых и серебряных бликов по изумрудному ковру

парковой зоны, раскинувшейся на весь город. На головокружительной высоте мерцали полупрозрачные транспортные трубы, словно паутина, связывающая исполинские кристаллы небоскребов. По ним жители и потоки дорогих электроавтомобилей перемещались, никогда не выезжая на улицу. Все это великолепие казалось ему чудовищно неуместным.

«Настоящий рай... не зря в туристической рекламе называют жемчужиной Западного полушария, – горько усмехнулся Марк. – Идеально отлаженный курорт для идеальных людей».

На Земле оставалось не так много мест, которые сама природа одарила статусом рая. Один из таких уголков – восточное побережье Северного острова Новой Зеландии. Умеренный морской климат казался созданным для безмятежной жизни: мягкие зимы, когда температура редко опускается ниже +10 °С, и теплое, но не знойное лето комфортными +25 °С. Воздух здесь чистый и соленый, а зелень поражала неестественным субтропическим буйством.

Именно здесь, в этом благодатном краю могущественная каста «Суперов» – возвела первый город-сказку – Нью-Ливерпуль. Второй оплот, сияющий Радиэнти, расположился в солнечной Португалии. Сюда элита мигрировала на зиму, спасаясь от мягкой новозеландской прохлады, хотя часть Супероов жила в городе постоянно. Это была жизнь в вечном золотом часе, бесконечный пир для избранных.

Сюда, в сияющий оплот совершенства, сбежала Анна. Мысль обожгла с новой силой. Марк смотрел на этот сверкающий мираж, на этот «ковчег для богов», и видел за ним лишь одно: место, куда сбежала предательница. Восхищения не было. Была лишь тихая, холодная ярость, звонкая, как хрусталь в бокале.

Спустя несколько минут джампер мягко коснулся посадочной полосы, помчался стрелой, постепенно замедляясь, пока не замер напротив сверкающей громады терминала. На стене высветилось объявление: «Наш полет закончен. Желаем вам всего наилучшего!»

Марк расстегнул ремень, поднялся и забросил рюкзак с персональным микротерминалом и минимумом вещей на плечи. В толпе пассажиров прошел мимо дежурно улыбающихся стюардесс на выход.

Он забронировал номер в дешевой гостинице «Туи». Она находилась в одном из множества унылых рабочих поселков-спутников, тесным кольцом бетонных модулей и ржавеющих коммуникаций, обступивших сияющий Нью-Ливерпуль. Здесь ютилась обслуга блистательного города: техники с замысленными глазами, операторы уборочных дронов, разнорабочие с руками, вечно пахнущими машинным маслом. Именно в одном из таких неприметных поселений, пропахших пылью, дешевым фастфудом и застывшим в стенах отчаянием, скрывалась и его жена – Анна Воронова.

Пластиковая капсула воздушного такси неслась на высоте сотни метров. Полет стоил безумных денег, но Марку было плевать – счет все еще ломился от цифр. В кабине едва слышно жужжало. С высоты морской залив казался изумрудной плитой, покрытой рябью чернильных теней от волн и маслянистыми разводами отблесков. Ближе к горизонту синева густела до черноты, сливаясь с безоблачным тропическим небом. Внизу медленно всплыло огромное судно-платформа, обслуживающее донные фермы по выращиванию моллюсков, крабов и водорослей. Оно напоминало ржавого стального краба, уродливого, но жизненно важного для обеспечения продовольствием. Марк с холодным безразличием отвел взгляд. Его внутренний мир давно сжался до единственной, четкой цели.

Тяжелая дверь гостиницы захлопнулась, словно крышка гроба. Она отсекала все: истошные вопли уличных продавцов, свист ветра, настойчивый, словно зубная боль, гул электроавтомобилей и унылую песню уличного музыканта.

Пронзительная тишина. Стены холодно и мертво сверкали пластиком. Воздух в длинном, как пульмановский вагон, холле был спертый и густым – хоть ножом режь. В нем висела

примесь химического освежителя, безуспешно маскировавшего стойкую смесь влажной ткани, остывшего жира и пыли.

В противоположном конце, у ведущей вверх стальной лестницы, за стойкой из грубого нешлифованного дерева восседал массивный маори в традиционном перьевом плаще с черными кисточками. Темные, как тропическая ночь, волосы тускло блестели. Лицо, испещренное священными узорами та-моко, хранило каменное спокойствие. В одной руке он сжимал пластмассовую коробку «Доширака», в другой – миниатюрную пластиковую ложку, казавшуюся игрушечной на фоне лопатообразной ладони.

При звуке открывшейся двери он лишь медленно поднял от еды темные, обсидиановые глаза. Смотрел так, как человек смотрит на надоедливое насекомое: вроде и прихлопнуть ладонью стоит, да пошевелиться лень. Тяжело вздохнул. Лишь затем, с преувеличенной неохотой, положил коробку на столешницу – рядом с иллюстрированным глянцевым журналом, где на развороте застыла полуголая красотка, – и выжидающе уставился на Марка.

– У меня бронь. Моя фамилия Воронов, – голос Марка прозвучал глухо и ровно. Скинутый с плеч рюкзак повис в ладони.

Администратор с демонстративной неспешностью, оставляя жирный след, провел толстым пальцем по заляпанному экрану планшета.

– Бронь есть... – протянул он, растягивая слова. – А предоплаты... нет.

Пауза повисла тяжелым молчанием.

– Правила гостиницы железные: только наличные. Минимум за сутки вперед. И никаких карт или цифровой валюты, – отчеканил он, каждый звук пропитало холодное пренебрежение к очередному бледнолицему, потревожившему его покой.

По спине Марка пробежала дрожь ярости, не слишком гостеприимно! Покопался в рюкзаке и швырнул на стойку несколько смятых кредиток. Деньги легли рядом с «Дошираком» с легким, сухим шуршанием.

– Этого хватит?

Маори не удостоил его взглядом, только поджал вареники губ. Поднял купюры и с театральной медлительностью пересчитал дважды, проверяя на просвет каждую банкноту. Смахнул деньги в ящик стола и нехотя положил на столешницу ключ-карту – потертый пластиковый прямоугольник с потускневшим магнитным слоем и номером: 307.

– Третий этаж. Лифт не функционирует. Вода с восьми до десяти. Опоздаете – умывальник в конце коридора. Шум после двадцати двух – проблемы ваши. Тишина – наше правило.

Еще несколько мгновений Марк **впивался взглядом** в равнодушное лицо маори, потом забрал карточку.

– Не очень гостеприимно, – он резко повернулся и быстрым шагом направился к лестнице, ощущая спиной провожающий равнодушный, словно у крокодила, взгляд.

Номер встретил затхлой прохладой и тьмой. Пахло старым горем, плесенью и чужим горьким отчуждением. И не было черноты более темной и у нее был страшный голос. И от нее не спасешься. Она на тебя нападет, вооруженная мыслями об убийстве, которое ты совершишь завтра. Тьма снаружи, тьма, клубящаяся внутри тебя. Миг слабости и ты погиб, окончательно погиб!

«Зачем я здесь?.. Все бесполезно. Убьешь ты ее – и что это вернет? Как бы я хотел вернуться в прежнюю жизнь!» – он яростно помотал головой, пытаясь прогнать мысли.

Постоял в темноте. Лицо его, вдруг, изменилось, взгляд уже не казался взглядом страдающего человека, что сетует на судьбу, – внезапно он стал острым и цепким, морщина на переносице разгладилась, губы отвердели.

Итак, он близок к исполнению плана. Ведь физик Воронов привык все делать по плану...

Щелкнул выключатель. Над головой моргнула и зажглась лампочка без абажура. Ее свет изгнал тьму и безжалостно обнажил все вокруг. Кружилась в холодном электрическом свете пыль.

Убогая обстановка самого дешевого номера – продавленный матрас на пластиковой кровати, огромное желтое пятно на потолке, похожее на карту забытого острова; столик с раскрытой картонной коробкой, на которой корявым шрифтом выведено «WINE», и одинокий стул у задернутого шторой окна.

Он шагнул внутрь, и потертый ковер, липкий от пыли и влаги, хрустнул под подошвой налипший песок.

Первым делом открыл окно – проветрить номер, из кейса появился микротерминал. Рюкзак швырнул в пыльный угол.

Присел на край кровати, громко и жалобно скрипнувшей под немалым весом. Воткнул в розетку с расшатанными контактами блок питания. Палец коснулся кнопки запуска. Процесс показался вечностью. Наконец на экране вспыхнул рабочий стол. Марк с лихорадочной поспешностью подключился к единственной точке доступа в гостинице «Free Public_Wi-Fi» – пароль от него был написан прямо на ключ-карте. Сеть была медленной, забитой до предела, но это первый шаг к тому, чтобы найти ее.

Система безопасности поселка оказалась дырявой, словно решето: устаревшее оборудование, стандартные пароли, нулевая защита. Через полчаса он получил доступ ко всем камерам наружного наблюдения и камерам дронов и роботов – операция рискованная, но уголовное преследование казалось приемлемой платой за возможность искать Анну.

Простенький поисковый джин обнаружил ее: беглянка нашлась на записи с камеры над входом в соседний отель «Арики» – такой же обшарпанный, с облупившейся краской и ржавыми водосточными трубами. Утром она выходила из гостиницы. Всегда одна. Шла куда-то и вскоре возвращалась с двумя бумажными пакетами из местного магазина, один раз просто стояла у входа, словно в нерешительности, глядя в сторону сияющих алмазов небоскребов Нью-Ливерпуля.

Но мужчины рядом с ней не было – ни на одной записи, ни вчера, ни позавчера, ни за всю прошлую неделю.

Снова и снова пересматривал Марк записи, вглядываясь с мрачной надеждой в тени возле входа. Возможно, любовник осторожен? Или он в Нью-Ливерпуле, а Анна ждет его здесь? Но тогда зачем ей этот захолустный городишко? В голове зрело недоумение, постепенно перерастая в раздражение. Где же этот призрак, ради которого Анна бросила его и семью? И почему, черт возьми, она всегда одна?

Какая-то неоформленная мысль мелькнула в голове, и он застыл перед экраном микротерминала в позе учуявшего дичь борзого пса. Увеличил изображение, пытаясь разглядеть лицо. На картинке невозможно было понять его выражение – счастлива она или несчастна, напугана или спокойна. Одинокая фигура в пошарпанной двери дешевой гостиницы.

Марк задумчиво поджал губы и откинулся на скрипучую спинку кровати. От бессонной ночи кожа скуластого, славянского лица отливала синевой, из ввалившихся глазниц глядели усталые, сухие глаза.

Марк медленно выдохнул. Все его предположения рухнули, словно карточный домик, оставив лишь зияющую пустоту вопроса. Загадка только усложнилась...

В номере пахло сыростью и, едва различимо, ее духами. Когда-то так любимыми, а теперь ненавистными. Мертвая, оглушительная тишина.

Накануне он заснул под утро, и приснилась ему Анна. Она шла по вечерней улице, плавно покачивая в свете фонарей бедрами. Во сне его охватила злость, густая как патока, – на себя. За то, что помнит. За то, что даже во сне не может отвернуться. Там еще что-то было, но что

именно, он не помнил. Только это жгучее, позорное раздражение на самого себя осталось и после пробуждения.

Луч пробился сквозь щели жалюзи; солнечный зайчик торопливо обежал комнату: потрескавшийся пластик подоконника, каменно-спокойное лицо мужчины в потертом кресле, голые, отсыревшие стены, открытый шкаф с кое-как наваленными вещами. И наконец упал на лицо спящей женщины. И тут он неожиданно заметил, как за считанные дни изменилась Анна. Лицо – бледное и неестественно худое, словно у монашки, с тенью былой ухоженности. Из-под одеяла высовывалось худое плечо, ключицы выпирали так резко, словно пытались разорвать кожу. Анна выглядела так, будто перенесла тяжелую, изнурительную болезнь.

Глаза медленно открылись. Первый взгляд был пустым, безразличным.

Женщина вяло махнула рукой, словно не веря собственным глазам, и повернулась на бок, но тут увиденное дошло до затуманенного сном разума. Резко повернулась. Рывком села на убогой кровати, уставилась со страхом и непонятым отчаянием, будто не могла поверить самой себе, на неподвижную серую фигуру напротив.

В паре десятков сантиметров от нее прищуренные глаза были словно две амбразуры, готовые выплеснуть пулеметную очередь, два раскаленных угля на почерневшем от бессонной ночи, немой ярости и ужаса лице. Она увидела, как на мгновение мужские пальцы стиснули подлокотник кресла.

Анна ожидала вспышки ярости, однако мужчина молчал.

Ею овладело жуткое, всепоглощающее желание – обратно. Вернуться в мир «до». В тот миг, когда еще ничего не произошло. Заставить мозг не думать, не чувствовать.

Это даже не страх. Куда глубже – инстинктивный позыв защитить психику от запредельного напряжения. Она приняла неизбежные потери, собственную судьбу и смирилась. И вдруг... все обрушилось снова. Это как будто срываешь с кровоточащих ран намертво присохшие бинты.

– Ох... – Анна упала в кровать.

Перевернувшись на живот, уткнулась носом в тощую подушку. Узкие ладони прикрыли плечи тонким одеялом. Несколько мгновений безмолвствовала.

– Как ты меня нашел? Тебе не надо было! Не надо было меня искать! – просипела она, и ее голос, сорванный от сна и отчаяния, разорвал тишину, словно перетянутую струну.

Сквозь тонкую стену пробился урчащий звук спускаемой воды в канализации.

Марк сделал небольшую, тягучую паузу. Каждое его слово падало с холодной, отточенной тяжестью.

– Все элементарно, сударыня. Я подарил тебе ужин. Вчерашнюю «Пепперони». – Он дал ей секунду, чтобы вспомнить робота-доставщика с той самой пиццей, которую они заказывали на все мелкие победы. – Повар оказался с фантазией. Добавил в соус кое-что быстрорастворимое и безвкусное. А пока ты спала, я внес новый ключ в систему доступа. Вошел. Ждал. Смотрел, как ты спишь.

Ему было неприятно все в этой женщине. Все, что он так любил. И точеная фигура, и волосы цвета огня.

Им овладела горькая, ядовитая радость. Наконец-то он выплеснет в лицо ей всю ту обиду, что клокотала в груди последние дни. Одновременно почти физически ощутил, как жжет коробка в кармане с единственной таблеткой яда, и понял, что не сможет. Несмотря ни на что. И от этого возненавидел ее еще сильнее.

Анна резко повернулась, и Марк на миг увидел полный ужаса взгляд глаз цвета бутылочного стекла – настолько огромных, что в них можно было утонуть, – и женщина снова уткнулась в подушку.

Он понял – момент приближается. И впервые сквозь ярость прорвался леденящий страх. Холодный свинец разлился по жилам, желудок ушел в пятки. «Боже, как же страшно... – пронеслось в голове. – Убить. Даже этого человека. Потому что ты... ты все еще любишь ее».

Марк молчал, и тишина в номере стала звенящей. Он смотрел на нее, не в силах вымолвить слово. Когда он заговорил, голос был хриплым, сорвавшимся на шепот.

– Ты бросила меня... Ладно. Твое право. Я... я мог бы это пережить. С трудом, но мог. Но детей! – последнее слово вырвалось свирепым рыком, полным такой боли, что Анна невольно отпрянула.

Женщина сжалась в комок под одеялом. Кажется, она даже простонала, и это на секунду остудило праведный гнев. Но лишь на секунду.

Она медленно повернула к мужчине лицо – бледное, почти прозрачное. В ее глазах не осталось ни страха, ни вины, ни желания оправдаться. Лишь пустота. Выжженная, бездонная пустота, на дне которой плескалось усталое отчаяние.

– Ты ничего не понимаешь... Любовника нет. Никого не было. Я все выдумала, чтобы ты не помчался за мной... – Голос ровный и какой-то мертвый – такими, наверное, говорили бы зомби, если бы они существовали не только в глупых фэнтези и сказках. Анна замолчала, прикусив губу, не отрывая странного, остекленевшего взгляда от мужа.

Марк вздрогнул, будто от удара тока, сглотнул вставший в горле ком. Затем открыл рот. Закрыл. Несколько секунд ушло на то, чтобы снова обрести дар речи.

– И... что же это было? – произнес он, чеканя каждое слово.

Женщина коротко всхлипнула, уперла взгляд в пол.

– У меня рак. Тот самый, стремительный. (*быстротекущий рак, какого не было вначале 21 века, курс лечения от него доступен только мультимиллионеру*) – она говорила устало, словно рассказывала чужую историю. – Ошибки быть не может. Помнишь, я ходила в частную клинику? Они подтвердили.

«Рак. Стремительный». Слова повисли в воздухе, обжигая, как раскаленное железо. Он кивнул, отводя взгляд – что-то такое он смутно припоминал.

И тут же, из самой глубины его ярости и боли, вырвалась короткая, уродливая мысль: «А не врет ли? Все ведь так гладко подогнано... Удобная отмазка...»

Но взгляд уловил дрожь в опущенных ресницах, неестественную восковую бледность кожи, которую раньше он принимал за усталость. Детали, которые его злоба отказывалась видеть – ее нервозность, слезы, отстраненность, – теперь сложились в чудовищную мозаику и обрели единственный смысл. Он понял. Это правда.

Вся его праведная ярость рухнула в один миг, оставив после себя ледяную, всепоглощающую пустоту. «Боже, какой же я дурак! Боже!» – пронеслось в голове с такой силой, что бросило в жар. Коробочка в кармане не пекла – жгла сквозь ткань.

– Ну пойми же, Марк! – ее голос сорвался, стал громче, отчаяннее. – Через два месяца я не смогу сама дойти до туалета! А еще через пару – не вспомню имена детей! Ты хочешь, чтобы они запомнили меня сумасшедшей старухой, которую нужно кормить с ложки? Которая гадит под себя?! Чтобы ты вытирал мне слюни и слышал бессмысленный бред?! Я не хочу этой пытки для вас! Не хочу быть вашим пожизненным наказанием! У меня был выбор: дойти до балкона и перевалиться через перила... но я трусиха. Я предпочла исчезнуть. Пусть ты лучше презираешь меня. Но помни – я люблю вас... Люблю вас больше всего на свете... Я уже пережила это – так уходила мать! И я сделала свой выбор – ты не представляешь, как это больно! Прости... Прости меня, милый, если сможешь.

Женская рука непроизвольно откинула со лба непокорную рыжую прядь.

«А ведь она рассказывала как-то про мать...» – сердце пропустило удар, замерло – и рванулось вновь, тяжело и гулко, выталкивая загустевшую, как расплавленный металл, кровь.

Горло сдавил тугой спазм, а руки задрожали. «Как я был чудовишно несправедлив. Ее бегство было жертвой, а я – слепец. Ярость испарилась. Ученый! Восходящая звезда теоретической физики! Мать твою... Реальность рассыпалась, сменившись ужасом потери. Но среди обломков родилась ясная мысль: она здесь. Она еще здесь. Я не потерял ее окончательно».

И тут, сквозь пелену стыда, прорвалась новая, отточенная как бритва мысль: «Одни швыряют миллионы на пустые прихоти, а другие умирают, потому что у них нет таких денег! Разве это справедливо? Разве справедливо, что я, физик, не в силах заработать на спасение собственной жены? Что, черт возьми, не так с этим миром?»

Воспоминание ударило с новой силой – его собственные бесплодные попытки докопаться до правды о гибели родителей. Та же стена. Та же беспомощность.

Жгучая обида и дикое негодование сомкнули стальные тиски на горле. *Почему я?.. Почему мы? Почему мы, как скот, загнаны в тесный загон под названием «Земля», лишены выбора, обречены выполнять чужую волю? Возмутительно! Глумливо, подло, бесконечно несправедливо!*

И в этот миг он встретился взглядом с ней. Ее глаза, огромные, как два зеленых озера, были полны не упрека, а тихого понимания и – о, нелепость! – бесконечной жалости. И невыплаканных слез. Они смотрели с робкой надеждой.

Он не помнил, как рухнул на колени – какая-то неведомая сила подкосила ноги.

– Прости, Аннушка... – услышала она. Голос не дрожал, был тверд, но по искаженному гримасой боли лицу, одна за другой катились тяжелые, обжигающие кожу слезы. – Прости меня... Я... Я так виноват перед тобой...

Плечи Анны затряслись от давно сдерживаемых рыданий. Из глаз, влажных и больших, словно у загнанной лани, часто, одна за другой, стекали слезы. И это его шокировало: раньше она крайне редко позволяла себе слабость.

Его бросило в жар.

Жесткие пальцы осторожно подняли безвольно свисающую женскую ладонь, на миг мужчина прижался к ней щекой. Она почувствовала осторожное прикосновение горячих, как лава, губ к запястью и, едва не задохнувшись от нахлынувшей нежности и любви.

Ну вот они и дома! Знакомая, чуть облупившаяся дверь съемной квартиры, за которой остались тринадцать лет жизни. Марк сжимал теплую ладонь Анны так крепко, будто боялся, что ее снова унесет куда-то.

«Распознано. Марк Воронов. Анна Воронова». Безразличный голос домашнего ИИ прозвучал прекраснейшей музыкой. Дверь бесшумно распахнулась, выпуская родной запах: книг, еды, детства и какой-то особенный запах тишины и покоя. На стене в прихожей мерцала голографическая фреска с планетарными туманностями, которую Гоша подарил на папин день рождения. С потолка гостиной свисала гирлянда умных светлячков, зажигающихся от хлопка ладонями, – любимая игрушка Эли.

– Па-а-апа! Ма-а-ама! Вы здесь! Правда здесь! – восторженный визг трехлетней Эли вырвался из детской.

На пороге кухни замер двенадцатилетний Гоша, его взрослеющее лицо расплылось в счастливой, немного смущенной улыбке.

Дети подскочили. Марк подхватил Элю, чувствуя, как маленькое тельце дрожит от радости. Подбросил к потолку и окутался радостным визгом, как серпантином. Поймал взгляд Гоши. В широко распахнутых глазах читалось все: и восторг, и немой вопрос, и огромное, щемящее облегчение. Все смешалось в вихре криков, объятий, вопросов («Мама, ты больше не уедешь?») и сбивчивых ответов. В эту секунду мир стал идеальным. Сломанный пазл сло-

жился. Оглянулся на Анну и губы расплылись в счастливой улыбке. В нем по новой устраивалось потерянное счастье, сворачиваясь пушистым клубочком и, грело замерзшую душу. И над черным полотном последних дней, вдруг расцвели и засверкали радуги тихого счастья.

Боковым зрением Марк увидел, как входная дверь начала приоткрываться. И тут же с оглушительным грохотом влетела в стену.

Он только начал поворачивать голову, когда в дверном проеме возник человек в черной матовой, поглощающей свет экипировке без опознавательных знаков. Лишь на наплечнике виднелся маленький, стилизованный логотип – три переплетенных кольца, символ одного из частных охранных конгломератов, чьи акции контролировал фонд Барруха. Именно возник, потому что никаких промежуточных движений Марк не заметил. И тут же – еще несколько. Короткие автоматы в руках, шлемы с затемненными визорами. Дальнейшее происходило настолько быстро, что позже он так и не смог восстановить в памяти последовательность и подробности событий.

Через миг троица частных полицейских заполнила тесную прихожую, превратив ее в полигон.

– Служба безопасности! Всем лечь. На пол! Быстро!! – голос прозвучал металлически, без эмоций.

Эля захлебнулась плачем. Испуганный крик Анны придушил грохот падающего тела – один из полицейских швырнул Гошу на линолеум. Марк попытался встать между семьей и полицейскими, но сильные руки скрутили, прижав лицом к полу. Он видел слезу на щеке Анны, прижатой к грязному полу. Видел широко раскрытые, пустые от ужаса глаза Гоши.

Над ним наклонился один из стражей порядка. Голос из-под шлема прозвучал прямо над ухом, холодно и четко:

– Марк Воронов, вам предъявляется обвинение по статье 272 Уголовного Кодекса Республики Сербия, по пунктам 3.1, 4.2 и 7.5 Протокола цифровой безопасности – неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и использование вредоносных программ.

Недоумение, острое и жгучее, пронзило, как шок. Как? Он мысленно прокручивал свои действия: виртуальные шлюзы, поддельные сертификаты, многослойное шифрование. Он превратился в призрак, тень, тщательно маскировался, путал следы! Аккуратная, ювелирная работа. В голове билась только одна мысль: как его нашли?

Он ощутил на плече чужую руку, его грубо подняли на ноги.

Через миг на запястьях защелкнулись наручники. Жена и дочь, прижавшись друг к другу, рыдали; рядом лежал сын, ошеломленно глядя на отца. Лицо его было бледно, словно снег. Эта картина причиняла боль в тысячу раз сильнее любого обвинения.

– Пошли! – один из полицейских толкнул его в плечо. Деревянной походкой Марк направился на выход, и последнее, что увидел, оглянувшись на пороге, – искаженное горем, мокрое от слез лицо Анны, с немым вопросом в глазах: «Почему?», и крошечную, дрожащую руку Эли, бессильно тянущуюся ему вслед, словно пытаясь удержать. Дверь захлопнулась с финальным, унижительным шелчком, навсегда отсекая от всего, что он только что вернул. Оставляя позади лишь раздирающий душу детский плач и гробовую, всепоглощающую тишину.

Глава 4

Суд состоялся через неделю – в день, когда корабли международной экспедиции под руководством Майкла Вилсона вышли на орбиту Венеры.

– Марк Воронов, вы обвиняетесь следственным отделом международного управления IT-полиции при ООН в неправомерном доступе к компьютерной информации, – бездушный, металлический голос электронного судьи монотонно бубнил, слегка растягивая слова. На вмонтированном в стальную стену экране плыли бессмысленные для постороннего взгляда кадры записи с камер наблюдения, мелькали бесконечные простыни технических логов – цифровые иероглифы, которые станут приговором.

Марк поерзал, пытаясь хоть на миллиметр сместить онемевшее тело. Он был прикован к единственному предмету в тесной камерке – тяжелому, литому, прикрученному к полу стулу. Воздух пах озоном и пылью, лампа под потолком, закрытая решеткой, испускала холодный, безжалостный свет – и больше ничего. *И ни звука, ни движения. Только пустота, в которой глохли мысли, мечты, жизнь.* А еще жутко чесалось под коленом: мелкое, сумасшедшее мучение, от которого он едва не сходил с ума. Холодные пластиковые манжеты с шипами внутри туго стягивали запястья и щиколотки, впиваясь в кожу, когда он пытался пошевелиться.

Покосился на видеозэкран: в отдельном окошке – лица семьи. Анна, его Анна, судорожно сжимала в побелевших пальцах платок. Двенадцатилетний Гоша пытался сохранить спокойствие, но мальчишеское лицо кривилось от нахлынувших чувств. Трехлетняя Эля не понимала, почему папа в «железной коробке», а не с ними.

Он отвернулся.

На основном экране всплыла крупная надпись: «ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПЕРЕДАЧА И ОБРАБОТКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ». Алый прогресс-бар под ней полз с такой ледяной неспешностью, будто вытягивал по капле из Марка жизнь.

Надпись погасла, и голос судьи-программы продолжил, как ни в чем не бывало. Электронный судья был невыносимо нуден, но в этой нудности была страшная сила. Эти бесстрастные весы Фемиды не подмажешь, не разжалобишь и не купишь. Это все равно что пытаться подкупить лазерный дальномер или обмануть калькулятор...

– Таким образом, на основании статей 272 УК Республики Сербия, пунктов 3.1, 4.2 и 7.5 Протокола цифровой безопасности, с учетом полного и неопровержимого пакета доказательств, – голос зазвучал громче, приобретая финальную, тяжеловесную интонацию, – а также принимая во внимание смягчающие обстоятельства – отсутствие судимостей и признание факта нарушения, – Марк Воронов приговаривается к семнадцати годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с отбыванием наказания в специализированном IT-лагере «Цифра». Апелляции не принимаются. Следующий!

Семнадцать лет прозвучали словно громовой удар молотом по наковальне. Из груди Марка вырвался тяжелый вздох. Семнадцать. Это меньше максимума – двадцати лет, но и этого хватит на всю оставшуюся жизнь. Карьера, жизнь – все перечеркнуто. И даже после того как освободится... «Физик-теоретик с уголовным прошлым» – звучит как фраза из глупой комедии.

«Я потерял все. Я не смогу быть с Анной в ее последние дни, и... я потерял детей... У нас никого нет. Никто не сможет их взять – теща уже старая. Потом... потом – он даже в мыслях не хотел договаривать, когда Анна умрет, кто будет их воспитывать? Что же я наделал!»

Рот мужчины широко открылся в беззвучном крике, на шее канатами вздулись жилы.

«Когда я выйду, они будут уже взрослые».

В голове стояла густая, тяжелая каша, в которой тонули любые мысли. Ни просвета, ни зацепки – только мертвый, давящий груз. В сознании не оставалось ни проблеска, ни трещины, через которую мог бы пробиться свет: лишь всепоглощающая тьма грядущей потери.

Словно на автомате, Марк рванулся со стула; оковы с шипением впились в кожу глубже, и капли крови выступили на суставах. Недоуменно уставился на экран.

– Вы что, совсем с ума посходили?! За что?! Это несправедливо! Чтобы вы все сдохли! – крик Анны на сербском, на грани истерики, заставил Марка каким-то механическим движением повернуть голову. – Я подниму скандал в соцсетях! Я вас уничтожу! В порошок сотру! – сыпала словами, с искаженным болью и яростью лицом, Анна, прижимая к монитору ладони.

По профессии она была журналистом, но в глазах, полных слез, Марк прочитал другое: отчаяние и безнадежность, пополам с ужасом. Она понимала – шансы равны абсолютному нулю и это лишь крик в бесчувственный цифровой вакуум. Гоша надрывно рыдал, закрывшись ладонями, а Эля с испуганным видом смотрела на брата, по лицу которого молча и оттого особенно страшно одна за другой стекали безгрешные детские слезы.

И тут накрыло. По телу прокатилась ледяная, парализующая волна. Его просто сломали. Неотвратимые, отлично отлаженные жернова государства ухватили его и ровно, без злобы и без жалости, перемололи, превратили в номер в базе данных заключенных. Это несправедливо, абсолютно несправедливо – ведь он только искал жену! Но что он мог поделать с государственным молохом?

Первая волна – дикое, какое-то детское удивление: «Как, на семнадцать лет? Ведь я, в сущности, не так уж и виноват... я не убил никого, не ограбил, я просто хотел отыскать дурочку... Почему со мной так жестоко?» – пронеслось со скоростью света в голове.

Потом мысли перескочили на другое. «А Гоша... Эля... В приют? А... как же Анна? Она же смертельно больна! А я... я умру в тюрьме».

Марк видел искаженные болью лица родных, слышал их рыдания, но не мог даже пошевелиться. Он – труп, труп, прикованный к стулу.

Экран погас, и он уже не видел, как женщина выкрикнула:

– Да будьте вы прокляты, подлоци (*подонки по-сербски*)! – губы кривились от бездны эмоций.

Она смотрела на потухший экран шальными глазами – глазами человека, внезапно вырванного из глубокой задумчивости. Глазами, в которых смешались боль, ненависть, непонятное сожаление и страх. И тут ее словно лишили стержня, который позволял держаться. Тело затряслось в беззвучных, а затем бурных рыданиях.

Спина ходила ходуном. Младшая заплакала в голос, а Гоша посмотрел на мать диким взглядом и, пробормотав: «Ма, я за водой!» – убежал на кухню.

Женщина рухнула на пол. Свернувшееся в позу эмбриона тело сотрясали рыдания; в истерике она билась головой об идеально чистый паркет гостиной. Переполюнявшие ее эмоции были такими яростными, что казалось: еще миг – и она просто взорвется.

И было непонятно, кого она оплакивает сейчас сильнее: его, себя или всю свою жизнь.

А о ком плачет волчица, потерявшее в жизни все?

В камере пересыльной тюрьмы воздух стоял густой и спертый, пропахший сыростью, хлоркой, немывыми телами и людским горем. Ошметки побелки, словно перхоть ветхого здания, осыпались с потолка, обнажая желтые, безжизненные пятна плесени.

Марк Воронов, в грубой робе с потускневшими синими полосками, стоял, прислонившись спиной к холодной, отсыревшей бетонной стене. Голова была наголо выбрита, и он чувствовал, как мурашки бегут по коже – не столько от холода, сколько от сжимавшего горло

предчувствия. Через несколько дней – отправка, неизвестность и лагерь. На семнадцать лет. На бесконечно долгих семнадцать лет.

Сокамерники занимались кто чем: одни бессвязно перебрасывались словами, другие вглядывались в клочок неба за решеткой, третьи дремали, уткнувшись лицами в засаленные подушки.

Резкий, металлический голос из решетки в двери, покрытой шелушащейся краской, прорезал гулкий гомон в камере:

– Отойти от двери! Встать к дальней стене! Повернуться лицом к стене! Руки за голову!

Марк, как и семеро других арестантов из его камеры, с которыми он коротал дни, молча подчинился.

Он подошел к стене. Повернулся к шершавому, испещренному циничными надписями и похабными рисунками бетону и привычно сжал руки на затылке. Поморщился от мгновенной боли в сбитых костяшках пальцев. Драка с парой бывалых уркаганов за право не быть «опущенным» была короткой и жестокой. В нем проснулась память отрочества – тех лет во дворах серых подмосковных панелек, когда вопросы решались не словами, а кулаками, и где он, тощий пацан-отличник, научился драться с жестокостью загнанного зверя. К его удивлению, нашлись и те, кто встал на его сторону – «ученый», да и статья у него не позорная. Часть, впрочем, сохранило нейтралитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.